

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ПЕРВАЯ ПЕЧАТНАЯ ГРАММАТИКА ЛИТОВСКОГО ЯЗЫКА

(К трехсотлетию издания грамматики Д. Клейна)

Марксистское языкознание придает большое значение изучению и переизданию памятников древней письменности, так как грамматический строй и словарный состав современного языка могут быть правильно поняты лишь в свете истории языка. Изучение древних письменных памятников является особенно важным для советской литуанистики, перед которой стоят такие ответственные задачи, как создание первой научной грамматики современного языка, а в дальнейшем — и полной исторической грамматики литовского языка.

Наряду с церковной литературой, из которой состоит литовская письменность древнейшего периода (XVI—XVII вв.), особый интерес представляет первая литовская грамматика Д. Клейна, содержащая множество важнейших сведений по литературному языку и диалектам того времени. Грамматика была издана в 1653 г. на латинском языке под заглавием: «Grammatica Litvanica Mandato et Autoritate Serenissimi Electoris Brandenburgici adornata, et praevis Censurâ primûm in lucem editâa M. D a n i e l e K l e i n, Pastore Tils. Litv. Praemissa est ad Lectorem Praefatio non minus utilis, quàm necessaria. Cic. de Clar. Orat. Nihil simul est et inventum et perfectum. Regiomonti, Typis et sumptibus Johannis Reusneri, Anno christovivaz 1653». В 1654 г. эта грамматика была переиздана в сокращенном виде на немецком языке: «M. D a n i e l i s K l e i n i i Compendium Litvanico-Germanicum Oder Kurtze und gantz deutliche Anführung zur Littauschen Sprache, wie man recht Littausch lesen, schreiben und reden sol. Cum Privilegio S. R. M. Pol. et Seren. Elect. Brandenb. Königsberg, Gedruckt und verlegt durch Johann Reusner, 1654».

Издание первой литовской грамматики в Восточной Пруссии не является случайностью. В XVI в. и в последующие столетия северо-восточная часть Восточной Пруссии до рек Дейма и Алла на западе и до реки Голдапа на юге была заселена литовцами. Последовательно проводимая германизация и жестокий экономический и политический гнет, запечатленные в классической поэме Донелайтиса «Времена года», привели к тому, что границы распространения литовского языка отодвигались все дальше и дальше на северо-восток. Лишь в Клайпедском крае, возвращенном литовскому народу после Великой Отечественной войны, сохранилось литовское население до настоящего времени.

В Восточной Пруссии были напечатаны первые литовские книги: «Katechismusa Prasty Szadei» (М. Мажвидаса (1547), «Enchiridion» Б. Вилентаса (1579), «Postilla» И. Бреткунаса (1591) и др. Зарождение литовской письменности в Восточной Пруссии связано с введением лютеранства (1525), в котором прусские феодалы, наследники Тевтонского ордена, усмотрели новое оружие в борьбе против крепостного крестьянства, восставшего в 1525—1528 гг. При помощи лютеранской церкви прусские феодалы стремились не только отвлечь угнетенных литовских крестьян от классовой борьбы, но также порвать их связи с Великим княжеством Литовским. Всячески способствуя пропаганде лютеранства среди литовского населения, прусские князья заботились о подготовке протестантских священников для литовских приходов Восточной Пруссии. Возникла необходимость в учебном пособии по литовскому языку для пасторов немцев, направляемых в литовские районы. Первым таким пособием и явилась «Grammatica Litvanica» Д. Клейна. В предисловии автор прямо указывает, что его труд предназначен для тех, «кто стремится к церковной должности и желает в будущем учить необразованный народ на родном языке» (стр. XIX)¹.

Узко практические цели грамматики Клейна, предназначенной для священников и студентов богословия, хорошо знакомых с латинской грамматикой, определяют ха-

¹ Здесь и в дальнейшем (в примерах) в тексте в скобках даются ссылки на страницы грамматики Д. Клейна.

раक्टर этого труда. Клейн опускает определения отдельных терминов, считая, что его читатели знакомы с ними по латинской грамматике. При составлении своего труда он взял, по всей вероятности, за образец одну из грамматик латинского языка, по которым изучался этот язык в то время в Кенигсбергском университете, готовившем лютеранских священников для Восточной Пруссии. Возможно, что образцом для грамматики Клейна явилась распространенная в XVII в. книга Финка-Хельвига («Grammatica Latina Studio et opera Casparii Finkii et Christophori Helvici... Giessae Hessorum, 1615»). Об этом свидетельствует то, что «Grammatica Litvanica» состоит, так же как и труд Финка-Хельвига, из двух основных частей — этимологии и синтаксиса, в то время как грамматики XVI—XVII вв. чаще всего содержат четыре раздела: орфографию, просодию, этимологию и синтаксис². Не случайным является, очевидно, и то, что Клейн причисляет к категориям имени лицо, что имеет место только в труде Финка-Хельвига и некоторых менее распространенных грамматиках немецкого языка XVII в.³ Вопрос об отношении труда Клейна к латинским и немецким грамматикам того времени требует дальнейшего изучения.

Первая часть труда Клейна — этимология — начинается с рассмотрения звуков литовского языка. Предложив алфавит из 22 букв [ā a d/q, b, c ē es, d, ē e ē ē, (f), g, (h), i y i, k, l i, m, n, o, p, r, s š s, t, u ц w, (x), z z], Клейн переходит к объяснению их чтения и дает классификацию звуков. Все звуки делятся на гласные и согласные, а гласные, в свою очередь, — на простые и сложные (т. е. дифтонги). В сложных гласных Клейн выделяет собственно сложные (prorgiae): ai, ay, au, ei, io (ū), другие же являются, по его мнению, несобственно сложными (improrgiae): ia, ie, io, iu. Согласные классифицируются по месту образования как небные (g, k), язычные (d, t, l, n, ē), губные (b, p, f, m, w) и зубные (c, s, š, z z). В дальнейшем Клейн рассматривает звуковые расхождения диалектов, такие фонетические изменения, как контракция, синкопа, метатеза, и переходит к рассмотрению акцентов, переносу механически традиционное учение об акцентах греческого языка на литовский язык. Затем следует разбор отдельных частей речи, причем словоизменение и словообразование рассматриваются как явления одного порядка, т. е. как акциденции отдельных частей речи. Не отделяя существительного от прилагательного, Клейн устанавливает пять склонений имен: I склонение — имена мужского рода на -as, -is, -ys [ponas (31), mielas (33), liežuvis (32), didis (32) «господин», «милый», «язык»], II склонение — существительные преимущественно женского рода на -a, -ia, прилагательные женского рода на -i [dūna (42), sudžia (42), teisi (43) «хлеб», «судья», «правая»], III склонение — существительные и прилагательные на -ė, существительные на -is [gisme (47), dide (47), ausis (47) «песня», «большая», «ухо»], IV склонение — имена мужского рода на -us [vaisis (50), gražus (50) «плод», «красивый»], V склонение — существительные на -ė (род. падеж -ers), -uo [mote (53), piemū (54) «жена», «пастьух»]. К последнему склонению Клейн относит все причастия действительного залога [kalbas (56), kalbėjus (57), kalbėšus (58) «говорящий», «говоривший», «тот, который будет говорить»].

После таблиц склонений следуют рассуждения о роде имен, а затем глава об именном словосложении и словопроизводстве («De nominis specie et figura»). Здесь имена классифицируются как простые и производные (Primitiva et Derivata), производные же делятся на: 1. Образованные от имен: а) притяжательные (Poregiva), например Lietuwnikas «литовец» от Lietuwa (65) «Литва»; б) обозначающие отчество (Patronymica), например Adomaitis «сын Адама» от Adomas (65) «Адам»; в) уменьшительные (Diminutiva), например waikėlis «сын» от waikas (65) «сын»; г) отыменные (Denominativa), например teisybe «правда» от teisus (66) «правый» и 2. Образованные от других частей речи: а) отглагольные, например kalba «язык» от kalbu (67) «говорю»; б) образованные от причастий, например esybė «сущность» от esys (68) «сущий»; в) образованные от наречий, например tolus «отдаленный» от toli (68) «далеко». После раздела о неправильных именах, в котором рассматриваются singularia et pluralia tantum, неправильные образования множественного числа и др., следует «Приложение о числительных», а затем раздел о местоимениях. Классифицируя местоимения по двум признакам — по значению и по качеству, Клейн выделяет по значению указательные [aš, tu, jis (76) «ты», «этот», относительные [jis, pats (76) «он», «сам»], взаимные [savas, savas (76) «себе», «свой», вопросительные [kas, kieno (76) «кто», «чей»], притяжательные [manas, tavas (76) «мой», «твой», родовые (gentilia) [musiškas (76) «наш»], а по качеству — отделяемые (Separabilia), куда относятся все перечисленные местоимения, и неотделяемые (inseparabilia), например частицы mi, si (76), простые (simplicia), например ans (76) «тот», и сложные (composita), например piltas (76) «этот» из jis «этот» и tas «тот».

Особенно много места отведено глаголу (главы с XIV по XX — 50 страниц). После рассмотрения восьми акциденций глагола Клейн устанавливает три спряжения, исходя из суффикса основы будущего времени. К I спряжению он относит глаголы, ко-

² См. М. Н. Jellinek, Geschichte der neuhochdeutschen Grammatik von den Anfängen bis auf Adelung, II Halbband, Heidelberg, 1914, стр. 5.

³ Там же, стр. 180.

торые не имеют в будущем времени суффикса основы, типа *wadinnu* (92) «называю»; ко II спряжению — глаголы, имеющие в будущем и, частью, в прошедшем времени «аугмента», т. е. суффикс основы, *-e-*, *-y-*, *-o-* [*regeti* (108), *sakyti* (112), *žinoti* (115) «видеть», «сказать», «знать»]; к III спряжению — глаголы на *-mi* [*dĩmi* (117) «я даю»]. Отдельная глава «De verbis substantivis» посвящена спряжению глаголов *būti* «быть», *tapti*, *stotis* «стать». После главы об образовании глаголов и главы о причастии Клейн дает обзор неизменяемых частей речи: наречия, предлога, союза и междометия.

Раздел синтаксиса очень невелик по сравнению с этимологией — всего 30 страниц из 176 общего объема грамматики. Это объясняется тем, что Клейн, как он это сам указывает, стремился дать в этом разделе лишь те явления литовского синтаксиса, которые составляют его специфику по сравнению с латинским.

Д. Клейн опирается на один диалект, а именно западноаукштайтский. Это вполне понятно, так как этот диалект преобладал в Восточной Пруссии и на нем уже был написан в XVI—XVII вв. ряд памятников литовской литературы (произведения Б. Вилентаса, И. Бреткунаса, И. Резы и др.). Кроме этого, и сам Клейн жил в районе распространения этого диалекта, будучи священником в Тильзите. Однако следует отметить, что Клейн часто приводит в своей грамматике параллельные формы из других диалектов, что вполне естественно, поскольку в то время еще не было единой литературной нормы. Так, в парадигмах встречается, наряду с формой сослагательного наклонения *wadinčia*, форма *wadinčiau* (93) «я назвал бы»; наряду с инфинитивом возвратного глагола *džiaugtis* — *džiaugties* (87) «радоваться», даются формы приставки *у* и *in-* [*inraŭu/uraŭu* (131) «вписываю»] и т. д.

По всей вероятности, Клейн брал примеры как из разговорной речи, так и из церковной письменности XVI—XVII вв. Параллельные диалектные формы (клайдские, вильнюсские, каунаские, кедайнийские и инстербургские), приведенные Клейном, свидетельствуют о том, что он опирался на устную речь, так как не все формы, которые мы находим в его грамматике, отражены в письменности того времени. С другой стороны, А. Бенценбергер и другие исследователи показали, что Клейн брал также примеры из сборника проповедей К. Шпривидаса «Punktaų Sakimus» (I т. — 1629, II т. — 1644) ⁴.

«Grammatica Litvanica» является важным источником при изучении истории литовского языка. В ней четко отражены черты фонетики и грамматического строя литовского языка XVII в., отличающиеся в ряде случаев от норм современного литовского языка. Представляет, например, интерес отражение в грамматике Д. Клейна древнего балтийского *ā*, перешедшего в литовском языке в *o*. В катехизисе М. Маживидаса, основывающемся на жемайтском диалекте, преобладает древнее *ā*. Согласно подсчету Х. Станга ⁵, в катехизисе Маживидаса на 25 случаев употребления *o* в корне и в окончаниях приходится 610 форм с *ā*: *brālei* (8, 4); *māksta* (8, 6). Однако уже в более позднем произведении Маживидаса «Paŭarphrasis permanitina poteraus malda» (1589) *ā* заменяется *o*. В трудах Вилентаса и Бреткунаса (2-я половина XVI в.) древнее *ā* встречается изредка в безударных окончаниях и лишь в единичных случаях — в корне и в ударных окончаниях. В грамматике Д. Клейна преобладают формы с *o* [*malone* (10, 15), *mokytas* (133), *moteriški* (146), *žinnoti* (3, 18)], а формы, сохраняющие *ā*, встречаются только в примерах, которые приведены для иллюстрации особенностей клайдско-жемайского диалекта: *panas* (3), *plawinti* (3), *žadis* (3, 18) и др. Таким образом, «Grammatica Litvanica» свидетельствует о том, что общепольское *ā* в XVIII в. в западноаукштайтском диалекте уже перешло в *o*, в то время как в клайдско-жемайском диалекте употреблялось общепольское *ā*.

В грамматике Д. Клейна приведены древние формы словоизменения, не свойственные современному литературному языку. Сюда относятся, например, полное окончание *-mui* дательного падежа единственного числа мужского рода прилагательных, местоимений, причастий и числительных [*didžiamui* (34), *jamui* (80), *mielamui* (33) «большому», «ему», «дорогому»] и полное окончание *-mus* дательного падежа множественного числа всех имен [*daiktamus* (*praeŭatio*) *jiemus* (79), *kalbantiemus* (40), «вещам», «им», «говорящим»]. Д. Клейн приводит древние полные окончания этого падежа наряду с новыми краткими: дательный падеж единственного числа мужского рода *-am* [*didžiam* (34), *jam* (80), *mielam* (34)] и дательный падеж множественного числа *-ams*, *-iems* [*daiktams* (*praeŭatio*), *jiems* (79), *kalbantiems* (40)]. Характерно то, что Клейн ставит в парадигмах краткие формы на первое место, а полные — на второе. Очевидно, уже в XVII в. более употребительными были краткие формы окончаний дательного падежа, в дальнейшем полностью вытеснившие в литературном языке и в диалектах окончания *-mui*, *-mus*.

О широком распространении в XVII в. форм аллитива и адессива с постпозицией *-pi*, аллитива с постпозицией *-na* говорят приводимые Клейном формы — аллитива:

⁴ См. A. Bezzenberger, Beiträge zur Geschichte der litauischen Sprache, Göttingen, 1877, стр. 3.

⁵ Chr. S. Stang, Die Sprache des litauischen Katechismus von Mažvydas («Skrifter utgitt av Det Norske Videnskaps-Akademi i Oslo», II. Hist.-Filos. Klasse, 1929, №3), Oslo, 1929, стр. 48.

diewop (141) «к богу», *baŋničiospi* (29) «к церкви»; адессива: *diewip*, *ponip* (141) «у бога», «у господя»; иллитива: *dangun* (135), *namišna* (135) «в небо», «в дом» и др. Клейн рассматривает эти формы как наречия, а не как падежные формы, что, возможно, свидетельствует о том, что в XVII в. они уже не могли быть образованы от всех имен и подвергались адвербиализации. Ср. современные наречия: *vakarop*, *galop*, *velniop* «под вечер», «под конец», «к чёрту».

В разделе «О числительных» сообщается ряд сведений, по которым можно судить о развитии этой категории в литовском языке. Д. Клейн приводит древние формы порядковых числительных от одиннадцати до девятнадцати: *liekas* (74) «одиннадцатый», дословно: «лишний», *antras liekas* (74) «двенадцатый», дословно: «второй лишний» и т. д. В качестве параллельных форм он дает *liekas antras* (74) «двенадцатый», дословно: «лишний второй», *liekas trečias* (74) «тринадцатый», дословно: «лишний третий» и т. д. Свободный порядок следования прилагательного *liekas* «лишний» и собственно числительных *antras*, *trečias* «второй», «третий» говорит о том, что в литовском языке эти обозначения порядковых числительных являлись подсувободными словосочетаниями. Однако наряду с ними уже зарождаются сложные слова *antraliekas* (74) «двенадцатый», *trečialiekas* (74) «тринадцатый» и т. д., которые тоже приведены в этом разделе.

В грамматике Клейна дается полная парадигма спряжения атематических глаголов и рассматриваются особенности ряда глаголов этого типа: *eimi* (117) «я иду», *miegmi* (120) «я сплю», *giemi* (120) «я пою» и др. Клейн указывает, что некоторые из этих глаголов имеют в настоящем времени наряду с формами на *-mi* тематические окончания, например: *sergmi/sergiu* (119) «стерегу», *saugmi/saugoju* (119) «охраняю». Замечания Клейна говорят о том, что уже в XVII в. тематические формы конкурировали с древними атематическими. Раздел об атематических глаголах в целом представляет особый интерес, поскольку эти глаголы подробно не рассматриваются ни в одной из грамматик XVIII в., а в современном литовском языке они уже исчезли за исключением некоторых реликтовых форм.

Приведенные Д. Клейном формы сослагательного наклонения с *-b-* [*žinotumbei*, *žinotumbūca*, *žinotumbie* (124) и др. «ты знал бы», «мы оба знали бы», «мы знали бы») сохраняются до настоящего времени только в наречии района Дукштас-Линкменай в измененном виде. Примеры этих форм в грамматике Клейна свидетельствуют о западноукшайтской основе литовского литературного языка Восточной Пруссии в XVII в., так как в произведениях представителей других диалектов сослагательное наклонение с формантом *-b-* либо отсутствует, либо употребляется наряду с параллельными формами без *-b-*. Так, в «Postilla Catholica» М. Даукшис (1599), основывающейся на среднеукшайтском диалекте, эти формы не являются преобладающими, а в «Punktau Sakimu» К. Ширвидаса они отсутствуют.

Вопросам синтаксиса, как мы уже сказали выше, Клейн уделил меньше внимания. Однако и здесь мы находим интересный материал. Клейн указывает, например, что предлоги *iki* «до» и *po* «после», «по», «по» управляют дательным падежом: *iki bei dienai* (168) «до этого дня», *po trim dienom* (169) «через три дня». В современном же литературном языке предлог *iki* требует родительного падежа, а предлог *po* управляет родительным, винительным и творительным падежами. Лишь в застывших оборотах встречается дательный падеж после этих предлогов, например: *po dešinei*, *po kairei* «направо», «налево».

Таким образом, уже беглый обзор древних форм, встречающихся в грамматике Клейна, показывает, что этот труд является необходимым источником для изучения литовского языка XVII в.

Во всех литовских грамматиках, изданных в Германии в XVIII в., — Хаака, Руига, Остермейера и Мильке⁶ повторяются основные положения Клейна. Написанный несколько раньше грамматика Клейна, но изданный 20 лет спустя «Compendium Grammaticae Litvanicae» Сауна-Шульца имел значительно меньше влияния на складывавшуюся литовскую грамматическую традицию. Ни в одной из грамматик последующего периода не отражено, например, учение Сауна-Шульца о десяти падежах и одиннадцати склонениях литовского языка, в то время как схема пяти склонений и семи падежей Клейна воспроизводится полностью Хааком, Руигом и Мильке.

В грамматиках XVIII в. намечается ряд новшеств по сравнению с традицией Клейна: снимается учение об акцидциях имени и глагола, существительному не приписывается более категория лица, существительное и прилагательное рассматриваются в отдельных разделах и т. д. Сказывается влияние немецкой грамматики XVII-XVIII вв. Так, спряжение вспомогательного глагола *būti* «быть» дается перед таблицей основных

⁶ F. W. Haack, Anhang einer kurzgefaßten Litthauischen Grammatic (F. W. Haack, Vocabularium Litthvanico-Germanicum et Germanico-Litthvanicum, Halle, 1730); P. F. Ruhig, Anfangsgründe einer Litthauischen Grammatic, Königsberg, 1747; G. Ostermeyer, Neue Litthauische Grammatic, Königsberg, 1791; Ch. G. Mielcke, Anfangsgründe einer Litthauischen Sprachlehre, Königsberg, 1800.

спряжений⁷, в то время как Клейн его рассматривает после III спряжения. В XVIII в. уточняется понимание некоторых вопросов грамматического строя литовского языка. Руиг, например, устанавливает, что в отличие от имени существительного, имеющего только мужской и женский род, прилагательному литовского языка присущ также и средний род. Далее, Руиг вводит имперфект с суффиксом *-daz-*, обозначающий привычное действие, в парадигму спряжения [*budawau* (70), *laupsindawau* (81)], Клейн же рассматривает эту форму как вид глагольного словообразования. В грамматике Остермейера дается ряд новых ценных наблюдений над синтаксисом литовского языка, которыми впоследствии воспользовался А. Шлейхер⁸.

Однако основы грамматической системы, установленные Клейном, сохраняются полностью и в дальнейшем. Остается клейновская классификация склонений существительных и прилагательных, система падежей, спряжения глагола. «Grammatica Litvanica» оказала влияние непосредственно и через труды Руига, Остермейера и Милке не только на грамматики, изданные в Восточной Пруссии, но и на грамматики, составленные в Литве. Так, сохранившаяся рукописная литовская грамматика из библиотеки Чарторийского в Кракове, фотокопия которой имеется в библиотеке Вильнюсского университета (С 100), является, как показали новейшие исследования, конспектом грамматики Д. Клейна, сделанным в конце XVII — начале XVIII в. В рукописной грамматике дается то же распределение материала по главам, как у Клейна, повторяются примеры Клейна, почти дословно совпадает текст⁹.

Следует отметить, что грамматика неизвестного автора «Universitas Linguarum Lituanicae» (Vilnae, 1737) создана независимо от грамматики Клейна. Автор дает самостоятельную классификацию спряжений глагола по основе настоящего времени (I спряжение — тип *kalbu*; II спряжение — *giriu*; III спряжение — *daliu medžioju*; IV спряжение — *keliauju*; V спряжение — *mokau*), иные, чем у Клейна, склонения существительных (I склонение — существительные на *-a*: *kalba*; II склонение — на *-as*, *-is* — *uo*: *ponas, ležuwis, akmuo*; III склонение — на *-e*: *bite*; IV склонение — на *-is*: *ausis*; V склонение — на *-us*: *kryžius*) и т. д. Грамматикой Руига пользовался К. Богун — автор книги «О początkach narodu i języka litewskiego grammat» (Warszawa, 1808).

Некоторые положения Д. Клейна, прочно вошедшие в литовские грамматики в течение двух столетий, мы находим и в труде выдающегося литовского языковеда XIX в. Ф. Куршайтиса, который сохраняет, например, классификацию спряжений Клейна по суффиксу будущего и прошедшего времени глагола¹⁰. Эта классификация отражена и в современной литовской школьной грамматике, которая хотя и исходит в своем делении глаголов на спряжения из основы настоящего времени, все же рассматривает суффиксы будущего и прошедшего времени как дополнительные признаки отдельных спряжений¹¹.

Школьная грамматика сохраняет также те пять склонений существительных и их порядок следования, которые мы находим в грамматике Клейна, с одним лишь изменением, что имена существительные на *-ė*, объединенные Клейном с существительными на *-is* в III склонение, относятся современной грамматикой ко II склонению вместе с существительными на *-ė*¹².

Таким образом, «Grammatica Litvanica» Д. Клейна, заложившая основы школьной грамматики литовского языка, не утратила своей актуальности до настоящего времени. «Grammatica Litvanica» не изучалась буржуазными языковедами. Литературы, посвященной труду Клейна, почти нет, имеется лишь ряд замечаний А. Бенценбергера и некоторых других исследователей¹³. Сохранились лишь единичные экземпляры этого интереснейшего памятника литовской письменности XVII в.

Только в Советской Литве грамматике Клейна было уделено должное внимание. В связи с исполняющимся в 1953—1954 гг. трехсотлетием появления этого труда Институт литовского языка и литературы АН Литовской ССР готовят его переиздание, снабженное переводом и комментариями, что сделает его доступным широкому кругу советских языковедов.

Т. И. Вузене и И. И. Палионис

⁷ См. М. Н. Jellinek, указ. соч., стр. 297.

⁸ См. А. Schleichner, Litauische Grammatik (Handbuch der litauischen Sprache, I), Prag, 1856, стр. IX.

⁹ См. J. Palionis, Keletas naujų duomenų lietuvių kalbos gramatikų istorijai (Anoniminė rankraštinė «Grammatices Litvanicae») (печатается в Вильнюсе).

¹⁰ См. F. Kurschat, Grammatik der litauischen Sprache, Halle, 1876, стр. 272 и сл.

¹¹ J. Žingėda, Lietuvių kalbos gramatika, dalis 1, 5-sis leidimas, Kaunas, 1951, стр. 119.

¹² Там же, стр. 41 и сл.

¹³ См., например, А. Benzenberger, указ. соч.